

X

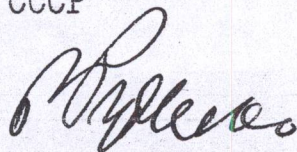
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В соответствии с поручением комиссии представляю справку по результатам изучения дела о "военно-фашистском заговоре".

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 52 листах.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР

(Р.РУДЕНКО)

" 10 " июля 1956 года

№ 141лсс

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОС П Р А В К А

по результатам изучения дела о "ВОЕННО-ФАШИСТСКОМ
ЗАГОВОРЕ"

По делу "военно-фашистского заговора" были арестованы
и преданы суду:

ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич,
ЯКИР Иона Эммануилович,
УБОРЕВИЧ Иероним Петрович,
КОРК Август Иванович,
ЭЙДЕМАН Роберт Петрович,
ПРИМАКОВ Виталий Маркович,
ФЕЛЬДМАН Борис Миронович и
ПУТНА Витовт Казимирович, -

всего 8 человек.

По приговору суда все они были признаны виновными в том, что являлись активными участниками антисоветской военно-фашистской организации, действовавшей под руководством центра в составе Гамарника, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана и Фельдмана.

Указанная антисоветская организация, как утверждается в приговоре суда, была организационно связана с антисоветским троцкистским центром и его главными руководителями Л.Троцким, Л.Седовым, Г.Пятаковым, Я.Лифшицем, с антисоветской группой правых - Бухарина-Рыкова, а также с военными кругами Германии.

Руководители указанной организации Тухачевский, Якир, Уборевич и другие, говорится в приговоре, для достижения своих преступных целей, главные надежды возлагали на помощь иностранных агрессоров и в частности на помощь фашистской Германии и поэтому вся их изменническая, предательская и подрывная деятельность была направлена на подготовку разгрома Красной Армии и поражения СССР в предстоящей войне и проводилась под непосредственным руководством германского генерального штаба и его агента - врага народа Л.Троцкого.

В этих целях, как указано в приговоре, Тухачевский, Якир, Уборевич, Путна, Эйдеман и Корк вошли в преступную антигосударственную связь с военными кругами Германии, систематически передавали германскому генеральному штабу совершенно секретные сведения, представляющие важнейшую государственную тайну, об организации, вооружении и снабжении Красной Армии.

В 1935 году, говорится в приговоре, Тухачевский, при активном участии Уборевича, Корка и других подсудимых был разработан оперативный план поражения частей Красной Армии в предполагавшемся нападении Германии и Польши на СССР. Этот план поражения был впоследствии согласован с представителем германского генерального штаба.

В целях подрыва обороноспособности СССР Тухачевский и другие систематически проводили вредительскую работу в частях РККА, особенно в укрепленных районах и по линии военных сообщений.

В 1932-1933 годах, как указано в приговоре, Тухачевский передал для германского генерального штаба через генералов Адамса и Бокельберга сведения о размерах вооружения Красной Армии, о мощности и характере производства ряда военных заводов, а в 1935 году он же через Путна передал секретные сведения о состоянии авиации, противовоздушной обороны и механизированных войсках в Белорусском и Киевском военных округах,

а также о графиках сосредоточения войск на западных границах, о запасах огнестрельных припасов и т.д.

В том же 1935 году польской разведке, с ведома Тухачевского, были переданы секретные планы Летичевского укрепленного района.

В 1936 году Тухачевский, используя свое официальное пребывание в Лондоне, передал генералу германского генерального штаба Румштедту план поражения Красной Армии.

Кроме того, в приговоре указывается, что антисоветская военно-фашистская организация по директивам троцкистского центра, под руководством и при участии Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Примакова, Путна и Эйдемана, готовила террористические акты против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, создала в частях Красной Армии и на предприятиях оборонного значения ряд диверсионных групп. Наряду с этим все проходящие по данному делу лица и другие участники антисоветской военно-фашистской организации разработали план вооруженного захвата Кремля и ареста руководителей партии и правительства.

Этот приговор был вынесен только на основании показаний, данных осужденными на предварительном следствии и в суде и не подтвержденных никакими другими объективными данными.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Из материалов дела видно, что первыми по данному делу были арестованы Примаков - 14 августа 1936г. и Путна - 20 августа 1936г.

К моменту их ареста органами НКВД были получены показания от арестованных по другим делам Пикеля Р.В., Рейнгольда И.И., Дрейцера Е.А., Мрачковского С.В. и Евдокимова о принадлежности Путна и Примакова к троцкистской организации в Красной Армии и

проведении ими контрреволюционной деятельности.

Кроме того, уже после ареста Путна и Примакова, 8 и 10 мая 1937г. органами НКВД были получены показания от арестованного Медведева М.Е. - бывшего начальника ПВО РККА о существовании троцкистской организации в Красной Армии.

На допросе 8 мая 1937г. Медведев показал, что в августе-сентябре 1931 г. ему, со слов Василенко, стало известно о том, что в центральных управлениях РККА имеется и ведет работу контрреволюционная троцкистская организация, руководящее положение в которой занимают Смолин, Ефимов, Зиновьев и Роговский.

В начале 1932 года, показал Медведев, Василенко рассказал ему, что прибывший из ЛВО Фельдман, также принимает участие в руководящей группе этой контрреволюционной организации.

Со слов Василенко, показал Медведев, ему стало известно, что он - Василенко, Смолин, Ефимов, Фельдман и Роговский разрабатывали планы подготовки вооруженного свержения советской власти, которое должно было быть приурочено к моменту иностранной военной интервенции против Советского Союза.

На допросе 10 мая 1937 года Медведев на вопрос - "В свете изложенного интересовались ли вы в разговорах с Василенко, Фельдман, Ефимовым и Смолиным о руководящем центре к-р организации" ответил:

"...разговора с Ефимовым и Фельдман о руководящем центре у меня не было. С Василенко я имел несколько раз разговоры о руководящем центре, причем в первый разговор, имевший место в начале 1933 года у него на квартире /Никольская ул./, он, Василенко, назвал мне как руководителей к-р организации Тухачевского, Якира, Путна, Туровского и Примакова".

Показания Примакова Виталия Марковича - бывш. зам.
командующего Ленинградским военным округом

На протяжении 9 месяцев после ареста Примаков виновным себя ни в чем не признавал, а затем 14 мая 1937 года после того, как были получены показания Медведева, Примаков заявил, что он с 1932 года является участником троцкистской организации, существовавшей в Красной Армии, которой руководит центр в составе его - Примакова, Путна, Дрейцера, Мрачковского и Шмидта.

Никаких показаний о существовании в Красной Армии военного заговора, руководимого Тухачевским, и о принадлежности к этому заговору других привлеченных по данному делу лиц Примаков на этом допросе не дал.

Через 7 дней, 21 мая 1937 года от Примакова уже были получены показания о том, что в Красной Армии существует анти-советская военная организация, возглавляемая Тухачевским и Якиром. В состав этой организации, как показал Примаков, входят также Корк и Фельдман, а кроме них ещё 40 человек руководящих военных работников.

Примаков показал, что он начал борьбу с партией ещё в 1924 году, являлся активным руководителем троцкистской оппозиции в армии, был непосредственно связан с Троцким, Пятаковым, Смирновым, Радеком, Серебряковым, Смилгой. Были разговоры о замене тов. Ворошилова Якиром.

В 1934 году, во время партийного съезда, показал Примаков, Пятаков его устно информировал о полученной директиве Троцкого об использовании начала войны для троцкистского вооруженного выступления с целью захвата власти и возвращения к руководству Троцкого.

Здесь же Пятаков рассказал ему о террористических директивах, полученных от Троцкого, и о необходимости организации террористических актов против руководства Партии и Правительства.

В 1934 году, заявил далее Примаков, он связался с Фельдманом и через него установил связь с антисоветской военной организацией Тухачевского, который, по словам Фельдмана, стоит во главе военного заговора. Однако на этом же допросе Примаков показал:

"Я вербовал Фельдмана и убедился из разговоров с ним, что имею дело с участником правой заговорщической контрреволюционной организации".

Примаков назвал ряд участников военного заговора - Аппога, Смолина, Сангурского, Флоровского и других лиц.

От Тухачевского, Якира и других участников заговора ему известно, что заговорщики ставили своей целью свержение существующего руководства партии и захват власти в свои руки, для чего расставляли на командные должности в армии своих людей и вели подготовку к вооруженному восстанию.

Показания Путьна Витовта Казимировича - быв. военного
атташе СССР в Великобритании

Путьна в первые дни после ареста виновным себя не признавал.

На допросе 24-25 августа 1936 года Путьна заявил, что до 1928 года он проводил активную оппозиционную деятельность: подписал платформу "83", присутствовал на фракционных собраниях оппозиционеров, поддерживал связь с Троцким, Зиновьевым и другими.

После 1928 года, как утверждал Путьна, он от оппозиционной деятельности отошёл и никакой работы против партии и советской власти не вёл.

Свою принадлежность в прошлом к оппозиционной деятельности, как показывал Путьна, он не скрывал, об этом говорил и во время прохождения чистки партии в 1930 и 1933 годах.

Этот протокол допроса Путна не подписал, а в конце протокола сделал собственноручную запись о том, что показания, записанные в протоколе, не соответствуют действительности и что он намерен дать подробные показания о проводившейся им контрреволюционной деятельности.

Такие показания Путна подписал на допросе 31 августа 1936 года.

На этом допросе Путна признал, что он является участником троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации, в которую был вовлечен Смирновым в 1926 г., и дал подробные показания о своей оппозиционной деятельности до 1928 года.

Далее Путна показал, что в 1931 году он узнал от того же Смирнова о его связях с Троцким и Седовым и о полученной им от них директиве о необходимости активизации подпольной деятельности троцкистов в СССР и о переходе к террористическим методам борьбы. С этими установками Троцкого и Седова он согласился и, таким образом, в 1931 г. возобновил свою контрреволюционную деятельность.

Далее Путна показал, что он лично установил связь с Седовым, от которого получил установку о необходимости активизации троцкистской работы в Красной Армии и переходе к террористическим методам борьбы. Вместе с Седовым и Смирновым договорились, что руководить военной троцкистской организацией будет центр в составе Дрейцера, Путна и Примакова. В задачи этой организации входило обеспечение смены руководства в партии и Красной Армии и обеспечение прихода к власти троцкистов.

Никаких показаний о принадлежности к контрреволюционной деятельности Тухачевского, Фельдмана, Корка, Якира, Эйдемана и Уборевича и о его связи с ними Путна на этом допросе не дал.

Только 15 мая 1937 г., спустя почти 9 месяцев после ареста, после того, как были получены показания от Медведева о существовании военного заговора, от Путна также были получены

показания о его контрреволюционных связях с Тухачевским.

На этом допросе Путна показал, что в сентябре 1935 года он получил директиву Троцкого о привлечении в троцкистскую организацию крупных военных работников. Троцкий при этом заявил, что ему известно, что контрреволюционную работу в армии уже ведут Тухачевский и Каменев С.С. и что необходимо с ними войти в контакт. При этом Троцкий вручил записку к Тухачевскому, в которой предлагал ему объединиться с троцкистским центром для совместной контрреволюционной деятельности. Эту записку он в октябре 1935 г. вручил Тухачевскому, который принял это предложение Троцкого. В январе 1936 года он информировал Тухачевского о существовании троцкистской военной организации и ее центра в составе Примакова, Путна и Дрейцера, о связях этой организации и о вербовках.

На допросе 2 июня 1937 года Путна уже показал, что весной 1931 года он по указанию Смирнова и Седова установил шпионскую связь с германским генеральным штабом и одновременно передал немцам через их генералов Гофмейстера, Адама, Людвига и Боккельберга данные о боевом составе Красной Армии, организационной структуре, дислокации войск, о вооружении и о системе боевой подготовки. Какие конкретно сведения передал Путна, из его показаний не видно.

В октябре 1935 года, как показал Путна, он получил от Тухачевского для передачи немцам данные о состоянии вооружения отдельных родов войск: авиации, мото-механизированных войск, характеристики их по округам, а также о состоянии военной промышленности СССР и передал эти данные немцам через Фон-Зальцмана. Что конкретного содержалось в полученных от Тухачевского сведениях, Путна также не показал.

Путна далее заявил, что в 1936г. при совместной поездке его и Тухачевского в Англию, Тухачевский, сопоставляя соотношение сил, доказывал ему неизбежность поражения СССР в войне с Германией и что он, Путна, соглашаясь с Тухачевским, говорил

ему, что для быстрого поражения советских войск необходимо содействие со стороны троцкистской организации, однако, как реагировал на это Тухачевский, Путна не показал.

Показаний о принадлежности Корка, Эйдемана, Уборевича, Якира и Фельдмана к военной троцкистской организации Путна не дал.

Показания Фельдмана Бориса Мироновича -
бывшего начальника Управления по начсоставу РККА

Фельдман был арестован 15 мая 1937 года на основании вышеприведенных показаний Медведева.

В день ареста Фельдман был допрошен сотрудниками НКВД Ушаковым и Леплевским, которые предлагали ему стать на путь раскаяния, но он виновным себя не признал и в своем заявлении просил ознакомиться с фактами, изобличающими его в контрреволюционной деятельности.

Несмотря на это, первый протокол допроса Фельдмана от 16 мая 1937г. начинается со ссылки на его заявление, в котором он якобы заявил о своем желании признаться в совершенных преступлениях. В деле такого заявления Фельдмана нет.

На этом допросе Фельдман виновным себя признал и показал, что он является участником военно-троцкистской организации, в которую был вовлечен в 1934 году Примаковым. /Примаков, как указано выше, дал показания о принадлежности Фельдмана к военному заговору только 21 мая 1937 года/.

Далее Фельдман показал, что со слов Примакова ему известно о том, что эта организация ставит своей задачей собирание троцкистских кадров в Красной Армии, вербовку новых участников и подготовку к свержению существующего руководства в партии и Красной Армии и захват власти троцкистами.

Фельдман назвал 14 человек высшего командного состава Красной Армии, которые, как он утверждает, входили в состав военно-троцкистской организации.

Из числа проходящих по настоящему делу лиц Фельдман назвал только уже арестованных Путну и Примакова. В отношении Тухачевского, Корка, Якира, Эйдемана, Уборевича Фельдман никаких показаний не дал.

17 мая 1937 года Фельдман написал собственноручные показания, в которых наряду с признанием своей вины указывал:

"Выполняя большую ответственную работу, отдавая ей целиком, я должен был еще работать на троцкистскую организацию в армии, помогая ей в расстановке кадров. Правда, временами забывался, так как повседневная моя работа была слишком огромна в сравнении с количественными масштабами бывших и настоящих троцкистов, оставшихся в кадрах комначсостава РККА

...Должен все же сказать, что и полезную работу для армии я все же проделал за последние 3 года немалую. Т.Леплевский знает, как много я ему помогал".

19 мая 1937 года от Фельдмана было получено новое заявление, в котором он писал, что "убедившись в бесцельности и невозможности полного отрицания своей вины", он уже сознался в совершенных преступлениях, однако полных показаний еще не дал.

В этот же день, 19 мая 1937г., Фельдман подписал протокол допроса, в котором в отличие от своих прежних показаний о том, что в контрреволюционную организацию он был вовлечен в 1934 году Примаковым, заявил, что он завербован в военно-троцкистский заговор в 1932 году Тухачевским. Почему Фельдман изменил свои показания, из протокола его допроса не видно.

Фельдман уже заявил, что со слов Тухачевского ему известно, что в военный заговор входят также Корк, Якир и Эй-

деман и кроме этого назвал как участников заговора еще около 30 человек из числа командного состава, в том числе лично им завербованных 8 человек.

Фельдман показал также о том, что со слов Тухачевского ему известно о том, что он имеет договоренность с Пятаковым в части срыва обеспечения армии артиллерийским вооружением, а также поддерживает связь с Троцким, от которого получает директивы по контрреволюционной деятельности. С его же слов Фельдману было известно, что начальник школы имени ВЦИКа Егоров готовит "дворцовый переворот", но Тухачевский говорил, что Егоров нерешительный человек и для этой цели не годится. К тому же школа выводится из Кремля и поэтому более реальный план захвата власти, как заявил Тухачевский, это поражение Красной Армии в будущей войне и вооруженное восстание.

На последующих допросах Фельдман дал показания, что Тухачевский сообщал ему о том, что он через Ефимова проводит вредительскую работу в части разработок образцов и обеспечения авиации пулеметами и мелкокалиберной пушкой, а также в вопросах обеспечения ВВС современными средствами связи. Ничего конкретного по этому вопросу Фельдман не показал.

Фельдман далее заявил, что со слов Тухачевского ему известно было о том, что в 1935 г. по его заданию Примаков подготавливал теракт против К.Е.Ворошилова во время киевских маневров, что этот теракт должен был осуществить Шмидт, но этого сделать ему не удалось, так как, заявил Тухачевский:

"...Шмидт и другие некоторые участники военного заговора поддерживали без ведома военного центра связи с представителями троцкистско-зиновьевского центра".

Кроме этого Фельдман показал, что он и Тухачевский поддерживали связь с немецким генеральным штабом и что Тухачевский говорил ему о том, что он, Тухачевский, лично передавал немецкому генералу Боккельбергу и другим лицам данные о вооружении Красной Армии, о количестве дивизий, выставляемых на западе во время войны, о производственной мощности некоторых оборонных заводов и т.п.

Показаний Корка Августа Ивановича - быв.
начальника Академии имени Фрунзе

Корк был арестован 13 мая 1937 года. Как видно из материалов дела, вначале следствия Корк виновным себя не признавал, а 16 мая 1937 года, на третий день после ареста, Корк написал заявление на имя наркома внутренних дел СССР, в котором, признавая себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации правых, указал, что он намерен в ходе следствия изложить все известные ему факты о контрреволюционной деятельности организации правых и просил предоставить ему для этой цели необходимое время.

В тот же день Корк написал второе заявление. Мотивом написания этого заявления, по его словам, послужило то, что он считает первое заявление совершенно недостаточным в качестве начала, которое он избрал для себя, приступая к даче показаний.

В этом заявлении Корк указал, что в организацию правых он вовлечен Енукидзе А.С., с которым у него на протяжении ряда лет сложились "близкие политические отношения". Помимо него /Корка/, в военную организацию правых входили: Горбачев -быв. заместитель командующего МВО, Петерсон - быв. комендант Кремля, Егоров - быв. начальник школы ВЦИК и Гарькавый.

Эта организация включала в себя и троцкистскую военную группу в лице: Путна, Примакова, Туровского. С военной организацией правых был связан также Тухачевский.

Основная задача, выдвинутая руководством правых - Рыковым, Бухариным перед военной организацией, заключалась, по словам Корка, в подготовке и проведении военного переворота в Кремле. Первоначально это мыслилось осуществить силами одной лишь школы имени ВЦИК, однако впоследствии встал вопрос о создании широкой военной организации. Практически это привело к созданию штаба переворота в составе Корка, Тухачевского, Путна.

Первый протокол допроса Корка датирован 26 мая 1937 года и представляет собой машинописный текст на 38 листах, каждый лист которого подписан Корком.

Согласно этому протоколу, Корк подтвердил свои два заявления, написанные им на третий день после ареста, и дал подробные показания о контрреволюционной военной организации.

Корк заявил, что в организацию он был вовлечен Енукидзе летом 1931 г. При этом Енукидзе назвал ему как руководящего участника организации Тухачевского, а также Петерсона, а последний позднее сказал о Егорове. В том же 1931 году, как показал Корк, он установил связь с Петерсоном, Егоровым и Горбачевым, а затем и с Тухачевским. Связи с троцкистской военной группой поддерживали через Путну и Примакова, при чем с Примаковым был связан Тухачевский, а он, Корк, с Путна.

Корк показал далее, что связь с Тухачевским он установил по директиве Енукидзе. Первая такая беседа была в августе 1931 г. В беседе касались ряда лиц, на которых военная организация может опереться, при этом назывались Якир, Уборевич, Эйдеман.

По указанию Тухачевского он в октябре 1931 г. связался с Уборевичем.

Корк далее показал, что уже с лета 1931 г. руководящий центр правых - Рыков, Бухарин готовили захват власти в свои руки и возлагали большие надежды на организацию Енукидзе силами школы имени ВЦИК захвата Кремля и ареста руководителей партии и правительства.

Этот план вооруженного переворота был согласован с Тухачевским, Якиром и Уборевичем. Наряду с этим, показал Корк, военная организация в целях облегчения захвата власти на протяжении последних 3-4 лет проводила активную подрывную работу в Красной Армии и разрабатывала детальные планы поражения Красной Армии в войне с Германией.

В начале 1935 года, как показал Корк, в кабинете Тухачевского состоялось совещание заговорщиков, на котором присутствовали, кроме них, еще Якир и Уборевич. На этом совещании обсуждались планы поражения Красной Армии.

О подрывной деятельности организации в Красной Армии Корк дал неконкретные показания и заявил, что эта работа шла по линии дезорганизации структуры РККА, подрыва технического оснащения РККА и боевая подготовка строилась так, чтобы она внешне казалась эффективной, но по сути дела отставала бы.

Показания Тухачевского Михаила Николаевича --
быв. заместителя наркома обороны СССР

На основании показаний Медведева, Путна, Примакова, Фельдмана и Корка 22 мая 1937 года в вагоне поезда на станции Куйбышев был арестован Тухачевский.

В первые дни после ареста Тухачевский настойчиво отрицал свою вину.

В своем заявлении от 26 мая 1937 г. Тухачевский писал, что ему были даны очные ставки с Примаковым, Путна и Фельд-

маном, которые изобличали его как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора, и просил предоставить ему еще пару показаний других участников этого заговора, которые также его обвиняют.

Далее в заявлении указывалось, что Тухачевский обязуется дать чистосердечные показания без "утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора".

На этом заявлении имеется резолюция Леплевского: "т. Ушаков! Надо приложить к делу, соответственно оформить арест Тухачевского /справка, ордер/ 28.У".

В этот же день, 26 мая 1937 года, от Тухачевского было получено новое заявление, в котором указывалось, что сегодня, 26 мая, он признает наличие заговора и свою руководящую роль в нем.

Тухачевский писал далее о том, что он обязуется самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая ничего, и заявил, что возникновение заговора относится к 1932 году и что участниками его являются Примаков, Фельдман, Путна, Алафузо и другие, о чем он подробно покажет дополнительно.

После этого, в тот же день 26 мая 1937 года, от Тухачевского были получены следствием собственноручные показания, в которых он признал свое участие в заговоре, но дал путанные и противоречивые показания. Тухачевский писал, что организация антисоветского военного заговора относится к 1932 году, когда у него имелась большая неудовлетворенность его положением в Наркомате, о чем он разговаривал с Фельдманом. Тогда же у него появилась мысль подобрать группу высшего командного состава, которая могла бы поднять его авторитет в армии. К людям, на которых он рассчитывал, относились Корк, Путна, Примаков, Смолин, Савицкий и др., которые за-

тем и вошли в антисоветский заговор. Но здесь же Тухачевский заявил, что Путна и Примаков ему политически не очень доверяли, что Примаков во время приездов в Москву давал военному центру информации, но разговоров с Тухачевским на эту тему избегал, что Примаков и Путна по линии троцкистских центров имели закордонные связи, поддерживали связь с Троцким.

Тухачевский заявил, что лично он троцкистских взглядов не разделял, а далее показал, что в 1935 году он через Путна получил записку от Седова, в которой он от имени Троцкого предлагал приступить к сколачиванию троцкистских кадров в Красной Армии для подготовки захвата власти.

Далее в своих собственноручных показаниях Тухачевский пишет о том, что участники военного заговора занимались вредительством с целью подрыва мощи Красной Армии и здесь же заявляет, что в отношении вооружений и боевой подготовки он, Тухачевский, твердо проводил линию на увеличение силы Красной Армии, что необходимо при всех условиях. Кадры заговора, как написал Тухачевский, делались обладателями могущественной техники и хорошей военной системы. Он всегда был сторонником улучшения артиллерии. Он подозревал, что в деле дистанционных взрывателей и таблиц стрельб имеет место вредительство, в связи с чем он в мае 1937 года назначил комиссию для проверки этого дела.

Таким образом, из показаний Тухачевского вытекает, что он, с одной стороны, являлся участником военного заговора, который занимается подрывом боеспособности Красной Армии, а, с другой стороны, предпринимает меры к тому, чтобы вскрыть вредительство и повысить боеспособность армии.

В своих заявлениях Тухачевский утверждает, что он является руководителем заговора, а в собственноручных показаниях руководящую роль отводит Путне и Примакову и о своей

заговорщической деятельности по существу ничего не говорит.

В тот же день, 26 мая 1937 г., Тухачевский подписал протокол допроса, в котором указано:

"Моя вина перед партией и правительством заключается в том, что я организовал антисоветский военнотроцкистский заговор, который своей деятельностью должен был обеспечить антисоветский переворот в стране, приход к власти троцкистско-зиновьевских-правых организаций и реставрацию капитализма в стране".

В протоколе далее указано, что заговор этот возник в 1932 году и руководился центром в составе Тухачевского, Каменева С.С., Эйдемана, Фельдмана и Примакова. На этом допросе Тухачевский назвал как участников военного заговора около 40 человек военных работников и заявил, что он лично завербовал Фельдмана в 1932 году, Корка в 1933 году, Каменева С.С. в 1934 году.

Вначале допроса Тухачевский показал, что лично он ни с Троцким, ни с Седовым после их высылки из Советского Союза не встречался, а в конце допроса заявил, что в 1932 году, находясь на маневрах германской армии, он установил личную связь с Троцким и договорился о проведении троцкистской работы в Красной Армии.

Далее Тухачевский заявил, что он через Горбачева и Петерсона поддерживал связь с Енукидзе, Ягодой, Рыковым, которые подготавливали "дворцовый переворот", и что военный заговор должен был поддержать их в этом; зимой 1935 года установил личный контакт по контрреволюционной работе с Пятаковым.

В конце протокола допроса записано, что он, Тухачевский, обещает более подробные показания о контрреволюционной деятельности дать дополнительно.

27 мая 1937 года, после того, как Тухачевский признал

себя виновным, появляется очередное заявление, в котором Тухачевский пишет:

"Будучи следствием изобличен в том, что я возглавлял антисоветский военно-троцкистский заговор, мне ничего другого не остается, как признать свою вину....".

Далее Тухачевский указывает, что ранее на допросах он не мог во всем признаться и избрал путь двурушничества, но

"... эта новая подлость была разоблачена следствием. Я решил на этот раз окончательно и бесповоротно раскаться".

Тухачевский просит следствие предоставить ему возможность дать показания под стенограмму и заверяет, что скажет все.

"У следствия не будет никакого основания упрекнуть меня в неискренности".

В тот же день, 27 мая 1937 года, Тухачевский подписал протокол допроса, в котором признал свою руководящую роль в военном заговоре, однако его показания значительно отличны от тех, которые он давал ранее.

В этих показаниях Тухачевский уже ничего не говорит о личных связях с Троцким, а заявляет, что связь с Троцким он поддерживал через Ромма и Примакова, что ~~через них он получил директиву Троцкого о необходимости перехода к террористическим методам борьбы~~, о чем раньше Тухачевский не показывал. Выполняя эту директиву, он поручил Примакову подготавливать террористический акт против Ворошилова К.Е.

На этом допросе Тухачевский назвал большое количество новых лиц как участников военного заговора и в их числе назвал, как лично им завербованных: Фельдмана, Путьна, Эйдемана,

Примакова, Корка. Впервые на этом допросе Тухачевский назвал Якира, которого он лично завербовал в 1934 году.

Если в ранее данных показаниях Тухачевский заявлял, что с представителями германской армии он поддерживал связь не выходящую за пределы его служебной деятельности, то на допросе 27 мая 1937г. Тухачевский заявил, что в 1932 году он передал генералу Адаму сведения о вооружении Красной Армии, сообщил ему, что к моменту войны СССР будет иметь до 150 дивизий, а в 1935 году через Путна передал для германского штаба сведения о состоянии авиации и механизированных войсках в Белорусском и Киевском военных округах, об организации противовоздушной обороны в этих округах и о сосредоточении войск на западных границах. Какие конкретно сведения были переданы немцам, из показаний Тухачевского не видно.

Кроме того, Тухачевский показал, что ему известно, что участники заговора Алафузо и Аппога передавали секретные сведения польской, японской, а также немецкой разведкам.

29 мая 1937г. Тухачевского было получено четвертое по счету заявление, в котором он писал, что несмотря на ранее данные обещания ничего не утаивать от следствия и быть искренним, он до сих пор не все еще рассказал о преступной деятельности заговорщиков.

Далее Тухачевский в заявлении писал, что еще в 1928г. он был вовлечен Енукидзе в организацию правых, что в 1934г. он лично связался с Бухариным. /в ранее данных показаниях Тухачевский утверждал, что с правыми он личной связи по преступной деятельности не поддерживал/, что шпионскую связь с немцами он установил еще в 1925 году, с этого же время был связан с польской разведкой, а также имел связь с американцами, эстонцами, румынами, что в 1936 году в Лондоне Путна организовал ему личную встречу с Седовым.

В конце заявления Тухачевский снова обещает ничего не утаивать от следствия.

В этот же день, 29 мая 1937г., Тухачевский подписал протокол допроса, в котором говорится о том, что ранее он допрашивался Ежовым, где признал себя виновным.

Далее в протоколе допроса указано, что заговорщики подготавливали поражение Красной Армии на Украинском фронте, для чего подготавливали сдачу Летичевского укрепленного района немцам, подготавливали разрушения мостов и закупку железнодорожных узлов, а также предполагали использовать недоделки оперативного плана и этим обеспечить разгром немцами Красной Армии.

30 мая 1937г. между Тухачевским и Корком была проведена очная ставка, на которой Тухачевский отрицал показания Корка о том, что Уборевич является участником заговора, что Корк говорил Тухачевскому о готовящемся Енукидзе "дворцовом перевороте", что Корк по заговорщической деятельности был связан с Тухачевским с августа 1931 г. и ряд других фактов.

При этом Тухачевский заявил на очной ставке:

"чтобы мы открыто вели разговоры, как организовать разрушение армии через сознательные вредительские действия, так мы вопрос никогда не ставили..."

Протокол допроса Тухачевского от 1 июня 1937г. начинается с его заявления о том, что:

"Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину..."

Далее Тухачевский снова повторяет те показания, которые он давал ранее. Наряду с этим Тухачевский изложил отдельным разделом "План поражения" Красной Армии, на который рассчитывали заговорщики. Он сводился к тому, чтобы

оставить разработанный Генеральным штабом оперативный план Красной Армии, необеспеченный необходимыми силами, и сдать противнику Летичевский укрепрайон.

Далее Тухачевский указывает, что необходимо сделать для обеспечения обороны западных рубежей.

В своих показаниях Тухачевский разбирает различные варианты нападения Германии на СССР, обращает внимание на наши слабые места, упрекает Генеральный штаб Красной Армии, который не учитывает это, говорит о недостатках нашего оперативного плана, излагает планы действий Украинского и Белорусского фронтов по отражению нападения немцев, обосновывает необходимость увеличения стрелковых дивизий как настоящую задачу обороны СССР, замечает, что наша авиация и механизированные соединения сильнее польско-германских, но предупреждает, что это не должно служить самоуспокоением, указывает, что вреднейшими и опаснейшими являются рассуждения о преимуществах Красной Армии, оценивает состояние Киевского и Белорусского военных округов так, что они не обеспечивают победы над польско-германскими силами. Тухачевский заявляет, что без всякого вредительства возможно поражение на этих фронтах и предлагает меры к усилению этих округов.

Показания Эйдемана Роберта Петровича-
председателя Центрального Совета Осоавиахима

Эйдеман был арестован 22 мая 1937 года на основании показаний, полученных от Корка и Фельдмана.

В день ареста Эйдеманом было написано заявление на имя Ежова, в котором он, рассказываясь в совершенном преступлении — участии в заговоре, просил дать ему возможность помочь следствию в раскрытии преступного заговора.

26 мая 1937г. от Эйдемана были получены собственноручные показания о том, что он завербован в военно-троцкистскую организацию Тухачевским в ноябре 1936 года, по его заданию связался с участником организации Фельдманом, от которого узнал, что в организации состоят также Савицкий и Вольпе.

Уборевич, писал Эйдеман, являлся единомышленником Тухачевского, но состоял ли он в организации, Эйдеман не знает. Была ли связь центра с троцкистско-зиновьевским параллельным центром, он сказать не может.

На допросе 27 мая 1937г. Эйдеман ~~изменил свои показания~~ и заявил, что в военно-троцкистский заговор он был вовлечен в 1933 году Тухачевским. Установки Тухачевского, как показал Эйдеман, сводились к тому, чтобы на предварительном этапе выдвигать надежных, проверенных людей в руководящие органы Осоавиахима, а затем указывал на необходимость ведения вредительской работы для подрыва мощи Красной Армии. Основная ставка дела-лась на организацию при соответствующих условиях вооруженного восстания в стране, а во время войны - на создание таких условий, при которых армия неминуемо потерпела бы поражение и этим самым ускорился бы приход к власти Троцкого.

В состав военно-троцкистского заговора, заявил Эйдеман, входил Тухачевский как руководитель и, ~~повидимому~~, Фельдман. Кто еще входил в состав военно-троцкистского центра, ему не известно. Со слов Тухачевского Эйдеман назвал как участников военно-троцкистского заговора Вольпе, Фишмана, Ефимова и Фельдмана.

Как показал Эйдеман, он проводил вредительскую работу в Осоавиахиме, которая сводилась к свертыванию основных видов массовой работы Осоавиахима, искусственному увеличению недоученных и материально необеспеченных значкистов ПВХО, сдерживанию развертывания массовой допризывной подготовки в сельскохозяйственных районах, установкам на количественное развертывание кадров летчиков, парашютистов и планеристов при заведомой

невозможности обеспечить все эти кадры материальными и денежными средствами, а также подготовленным инструкторским составом.

Им, Эйдеманом, лично завербованы, после некоторой предварительной обработки каждого, многие руководящие работники Осоавиахима.

Далее Эйдеман показал, что о прямой связи военно-троцкистского центра с Троцким он не знает, но ему известно из сообщения Тухачевского, что связь с Троцким поддерживается через существующий в стране гражданский центр. Тухачевский сообщил ему о наличии прямой связи с центром правых, действующим в контакте с гражданским троцкистским центром и военно-троцкистским центром. Тухачевский говорил, что он связан с Бухариным.

Как участников организации правых Тухачевский назвал ему, Эйдеману, Петерсона, Корка и Горбачева.

На допросе 3 июня 1937г. Эйдеман показал, что по заданию Тухачевского он привлек для диверсионной работы по линии Осоавиахима путем создания террористических групп Иванова К. и Барандохина и что впоследствии эти лица докладывали ему, что диверсионные группы созданы, но фамилий привлеченных в эти группы ему не называли.

Тогда же Эйдеман показал, что по поручению Тухачевского он связывался на дипломатических приемах с германскими военными атташе Гартманом, а затем Кестрингом и информировал их о состоянии авиационной работы в Осоавиахиме, о чем он докладывал Тухачевскому.

Показания Якира Иона Эммануиловича - быв.
командующего войсками Киевского военного округа

Якир был арестован 28 мая 1937г. на основании показаний Медведева, Примакова, Фельдмана, Корка и Тухачевского.

30 мая 1937г. была проведена очная ставка Якира с Корком. Якир показания Корка о принадлежности Якира к военному заговору категорически отрицал и заявил, что они являются провокационными.

На следующий день, т.е. 31 мая 1937 года, Якир на имя Наркомвнудела Союза ССР написал заявление, в котором указал, что он в течение последних лет был членом право-троцкистского военного заговора и его центра, возглавлявшегося Тухачевским М.Н.

В дальнейшем на допросах 3-5 июня и на допросе 7 июня 1937 года Якир показал, что в 1933 году Тухачевский ему сообщил о директиве Троцкого об организации военного заговора и он дал ему согласие на вступление в этот заговор.

В 1936 году Тухачевский ему якобы также сообщил, что задачей организации является смена руководства в партии и Красной Армии и что захват власти приурочивается к окончанию подготовки Гитлером войны против СССР. Как на непосредственных организаторов вооруженного переворота он указывал на Енукидзе и начальника кремлевской школы Егорова.

Как показывал далее Якир, ему были известны участники военного заговора - Егоров А.И., Смирнов П.А., Аппога Э.Ф., Аронштам Л.Н., Фельдман П.Н. и ряд других лиц.

Якир также показал, что он не имел прямого разговора о существовании заговора с Гамарником, но полная откровенность, существовавшая между ними, открытые враждебные по адресу руководства армии разговоры, как-то сами собой говорили, что они делают одно общее враждебное стране дело. Со слов

Гамарника ему стало известно, что назначение на Дальний Восток Аронштама направлено на усиление вредительства.

Якир также показал, что он, Тухачевский и Уборевич неоднократно обсуждали планы поражения Красной Армии, проводили вредительскую деятельность по ослаблению мощи Красной Армии.

После окончания следствия по делу, 10 июня 1937г. Якир написал письмо на имя Ежова с просьбой передать его в ЦК ВКП/б/, в котором писал о необходимости проведения в Красной Армии ряда мероприятий, направленных на усиление ее боевой мощи.

Показания Уборевича Иеронима Петровича -
бывшего командующего войсками Белорусского военного
округа

Уборевич был арестован 29 мая 1937 года.

30 мая 1937 года между Корком и Уборевичем была проведена очная ставка, на которой Корк показывал, что он, будучи завербованным в 1931 году Енукидзе в состав военной организации, спустя несколько месяцев узнал от Тухачевского, что в организацию входят также Уборевич, Якир и Эйдеман. В октябре 1931 года он по заданию Тухачевского связался с Уборевичем и имел с ним беседы о проводившейся вредительской деятельности в Красной Армии и обсуждали планы поражения в будущей войне. Уборевич несколько раз присутствовал на совещаниях заговорщиков, в которых принимали участие Тухачевский, Корк, Уборевич, Якир и Эйдеман.

На вопрос: "Подтверждаете ли Вы показания Корка" - Уборевич ответил:

"Никогда, никаких разговоров с Корком о контрреволюционных ~~организациях~~ не вел. Встречи, о которых он рассказывает, частично были, но такого сорта: приходили в гости с женами. Что Корк говорит совершенную

неправду, я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 года Белорусского округа, там Вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу.

Уборевич категорически отрицал показания Корка и заявил:

"Это всё ложь от начала до конца".

В заявлении на имя Ежова, отпечатанном на машинке и датированном 4 июня 1937 года, Уборевич писал:

"1 июня 1937 года я подал на Ваше имя заявление о том, что являюсь участником антисоветского военного заговора, направленного к свержению существующего строя". /Заявление Уборевича от 1.У.1.1937 года в деле отсутствует/.

"В заговор я был вовлечен Тухачевским, который его возглавлял. В состав центра, руководившего антисоветским военным заговором, входили Тухачевский, Якир и Уборевич. Мы поддерживали контакт с Гамарником, которого информировали о всей нашей заговорщической работе, о наших задачах и планах".

"Тухачевским я был вовлечен в антисоветский военный заговор в 1934 году в период маневров Белорусского военного округа, но тогда разговор Тухачевского со мной происходил в виде общих фраз, намеков на существование в армии возглавляемой им антисоветской организации, при этом он высказывал пожелания, чтобы и я примкнул к ней.

Конкретно же разговор по этому вопросу произошёл у меня с Тухачевским в марте 1935 года, когда я по приезде в Москву встретился с ним в его служебном кабинете...

...Тухачевский предложил мне примкнуть к руководству антисоветским военным заговором, на что я изъявил своё согласие".

Далее Уборевич писал, что в Белорусском военном округе им вовлечены в антисоветский военный заговор: Бобров, Карпушин и другие, всего 15 человек.

Как заявил далее Уборевич, Тухачевский сообщил ему, что организация государственного переворота в стране приурачи-

вается к возникновению войны с фашистскими государствами: Германией, Японией и Польшей, "поэтому мы должны активными действиями создать такие условия, которые обеспечивали бы и облегчали Германии нанести поражение Красной Армии".

В конце 1935 года, после киевских маневров, Тухачевский сообщил ему, Уборевичу, о другом варианте организации государственного переворота и захвата власти в свои руки, рассчитанном на мирный период. Этот вариант сводился к тому, чтобы верными частями, неожиданным налетом арестовать членов Политбюро и Правительства. Подробно этот план Тухачевский ему не развивал.

Здесь же Уборевич писал:

"Развивая мне план организации поражения Красной Армии, Тухачевский мне указывал, что необходимо для подрыва боеспособности частей РККА развернуть вредительскую подрывную работу по следующим основным направлениям: создавать открытые бензонефтехранилища и артиллерийские склады, которые могли быть легко уязвимы с воздуха, не развивать авторемонтные базы для танков и автомобилей, по вопросу мобилизации госпиталей, а также в середине лета 1936 года он мне дал указание о проведении вредительства по укрепленным районам.

Во исполнение поставленных мне Тухачевским пораженческих задач мною конкретно было исполнено следующее:

По плану вторжения на Барановичи: к весне 1936 года мною лично, при участии Боброва, был разработан план операции вторжения с расчётом на поражение. Само вторжение было разработано Тухачевским с расчётом пустить конницу на проволоку, что означало явную гибель. Поскольку этот акт являлся совершенно открытым предательством и мог вызвать преждевременный провал, то мне пришлось внести коррективы - заменить конницу целым стрелковым корпусом для боя в крепости. Однако сама эта операция на вторжение на второй день после объявления войны является преждевременной и была рассчитана на поражение, так как развертывание главных сил опаздывало на целых 14 дней и, таким образом, к моменту развертывания этих сил конница и механизация

истощаются и не участвуют в главной операции.

2. II стрелковый корпус, который нужен был для поддержки действий конницы на главном минском и ба-рановическом направлениях, был запроектирован Аппо-гой к переброске на лепельские и полоцкие леса, чем обрекался фактически к бездействию и выключался из операции".

На допросе 7 июня 1937 года Уборевич подтвердил всё то, что он писал в записке и, кроме того, показал, что ему из-вестно, что связь с германским генеральным штабом Тухачевский поддерживал через германского военного атташе в Москве - гене-рала Кестринга.

Кроме того, по заданию Тухачевского, он в 1936 году два-жды разговаривал с заместителем начальника французского гене-рального штаба генералом Швейцгудом с целью выяснить, как французское правительство отнесётся к устремлениям его, Туха-чевского, к власти, и что Швейцгуд одобрительно отнесся к планам Тухачевского.

9 июня 1937 года Уборевич был допрошен Вышинским. На этом допросе Уборевич подтвердил показания, данные им на предвари-тельном следствии, и дал очень краткие показания только о том, что он входил в состав руководящего ядра заговора, в котором, кроме него, были Тухачевский, Гамарник, Якир, Эйдемман, Корк, и что он участвовал в разработке плана поражения Красной Ар-мии и СССР в войне с Германией и, как комвойск БВО, должен был обеспечить поражение в этом направлении.

9 июня 1937 года все арестованные были допрошены пом. Главного военного прокурора Субоцким в присутствии Вышинского. В этот же день всем обвиняемым было объявлено о том, что след-ствие по их делу закончено и было подписано Вышинским состав-ленное обвинительное заключение.

10 июня 1937 года Чрезвычайный Пленум Верховного суда СССР вынес постановление об образовании для слушания дела Тухачевского и др. специального присутствия Верховного суда СССР в составе: Ульриха /председательствующий/, зам. Наркома Обороны СССР - командарма 2 ранга Алксниса Я.И., маршала Советского Союза - командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера В.К., маршала Советского Союза - командующего Московским военным округом Буденного С.М., начальника Генерального штаба РККА - командарма I ранга Шапошникова Б.М., командующего войсками Белорусского военного округа - командарма I ранга Белова И.П., командующего войсками Ленинградского военного округа - командарма 2 ранга Дыбенко П.Е., командующего войсками Северо-Кавказского военного округа - командарма 2 ранга Каширина Н.Д. и командира 6-го кавалерийского корпуса - комдива Горячева Е.И.

В этот же день, 10 июня 1937 года, подготовительное заседание специального присутствия Верховного суда СССР приняло решение о слушании дела в закрытом судебном заседании без вызова свидетелей и без участия обвинения и защиты.

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА В СУДЕ

Дело по обвинению Тухачевского, Якира и других слушалось 11 июня 1937 года в г. Москве в закрытом заседании специального присутствия Верховного суда СССР в указанном выше составе.

Судебное следствие по делу было проведено поспешно и поверхностно.

При допросах подсудимых суд сосредоточил главное внимание не на выяснении конкретной практической деятельности каждого подсудимого и степени его вины по предъявленному обвинению, а на выяснении того, кто является участником заговора, кого вербовали подсудимые, кто проводит вредительство на том или ином участке.

Допросы подсудимых начинались с того, что Ульрих зачитывал показания, данные подсудимыми в ходе предварительного следствия, и спрашивал подтверждают ли они эти показания. После этого ставился ряд уточняющих вопросов и выслушивались объяснения подсудимых. При этом Ульрих нередко обрывал подсудимых и требовал, чтобы они давали показания покороче.

Когда подошла очередь допроса Эйдемана, то Ульрих ограничился лишь тем, что зачитал его показания на следствии, спросил Эйдемана подтверждает ли он свои показания и, получив короткий ответ: "Да, подтверждаю", перешёл к допросу следующего подсудимого.

Никаких объяснений суду по существу предъявленного обвинения Эйдеман не давал.

Все подсудимые в суде виновными себя признали, однако их объяснения были малоубедительны, неконкретны и противоречивы.

По вопросу о времени возникновения центра военного заговора и о его составе подсудимые дали самые разноречивые показания.

Так, Тухачевский в своих объяснениях суду утверждает, что его вступление в военный заговор относится к 1932 году и что в 1933 году он вовлёк в заговор Корка. Подсудимый же Корк утверждает, что к участию в военном заговоре он был привлечен не Тухачевским, а Енукидзе еще в июле 1931 года и по его заданию уже в августе 1931 года связался с Тухачевским, а в октябре 1931 года - с Уборевичем.

Уборевич заявил суду, что он был вовлечен в военный заговор Тухачевским только в конце 1934 года, а к практической деятельности приступил с марта 1935 года.

Подсудимый Фельдман заявил, что он был привлечен в военный заговор Тухачевским летом 1932 года и что тогда же Тухачевский в числе участников военного заговора, наряду с другими лицами, назвал Путна и Примакова.

Тухачевский же утверждает, что он завербовал Примакова только в 1933-1934 г.г.

Тухачевский заявил суду, что в центр военного заговора входили: Каменев С.С., Примаков с 1933 года, Фельдман с 1932 года, Эйдеман и Корк с 1932-1933 г., Якир, Уборевич и Гамарник с 1934 года.

Корк утверждал, что уже в октябре 1931 года в центр заговора входили Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и он, Корк.

Подсудимый Фельдман показал, что в 1936 году ему Тухачевский сообщил о том, что он, Тухачевский, во исполнение директив Троцкого, дал задание Примакову подготовить теракт против К.Е.Ворошилова во время киевских маневров осенью 1935 года.

Тухачевский же заявил суду, что о подготовке теракта над К.Е.Ворошиловым он сам узнал в 1936 году от Примакова. По словам Примакова, этот теракт готовили по его, Примакова, заданию Туровский и Шмидт.

Примаков же заявил суду, что о подготовке террористического акта против К.Е.Ворошилова ему ничего известно не было.

Фельдман показал, что Тухачевский завербовал в контрреволюционную организацию Лаврова, однако Тухачевский это отрицал.

Как уже отмечалось, показания подсудимых были неконкретными и носили декларативный характер в том, что они занимались вредительством, подрывали мощь Красной Армии, готовили её поражение в будущей войне.

Когда же члены особого присутствия Верховного суда СССР пытались иногда уточнить и конкретизировать их показания, подсудимые ничего вразумительного ответить не могли.

Так, на вопрос В.К.Блюхера, в чем конкретно выражалась подготовка поражения авиации в будущей войне, Якир ответил следующее:

"Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что писал. Я писал, что, во-первых, я представляю себе таким образом, что параллельно с нашей вредительской работой, которая очень незначительно коснулась авиации, какая-то центральная организация проводила очень крупные вредительские дела в авиации, как в вопросах материальной части, о чём я подробно писал,

так и в целом ряде прочих вопросов - в вопросе комплектования кадров, материально-техническом снабжении и т.д.

По нашей работе я говорил, что, во-первых, вредительно был поставлен Шепетовский аэродром, что сделал Кикачи - инженер по воздушным силам, несмотря на то, что там присутствовал Вейнгауз, ничего не заметивший. Вредительская организация постройки прочих аэродромов, это второе. Отсутствие торопливости или отсутствие подбадривания авиационных соединений, совершенно необходимых, без которых не могут работать при ночных полётах, особенно в скоростной авиации - это третье. Затем безусловно вредительствовали в вопросе организации полевой аэродромной сети, которая в подавляющем большинстве по размерам площади не позволит или затруднит работу скоростной авиации. Авиация переходит на большие скорости, большие взлетные пространства, а полевые площадки растут недостаточно и могут поставить в тяжелое положение авиацию. Кроме того, очень большой перечень вопросов, безусловно вредительского порядка, имеющих место в материально-технической части, в материально-техническом снабжении и в кадрах".

На вопрос председательствующего, в чём выразилось вредительство в боевой подготовке авиации, помимо ограничения ночных полётов, Якир ответил:

"Я вам сказал, что не хочу развешивать особенно этот вопрос, я его разверну в особом письме. Но я думаю, что здесь не надо было особого вредительства прикладывать, поскольку в этом вопросе существует много ~~непорядков~~. Мы заменяли работу в полевой скоростной авиации ночью и опирались на аналогичную линию, идущую из Москвы, эта линия не давала патронов, ничего. Это было просто, так как у нас всё перестраивалось и поэтому оно не представляло никаких трудностей!"

На вопрос С.М.Буденного, в чем конкретно выразилась вредительская работа Корка в Московском военном округе и Эйдемана в Оссавиахине, о которой ему рассказывал Тухачевский, Якир пояснил:

"Эта информация была общей. Вообще мы друг-друга информировали очень обще из ряда соображений, но когда он говорил о людях, он говорил о Егорове, о группе

чекистов во главе с Енукидзе и что эта работа по вербовке была переброшена в военную академию, а также в округ, но людей не назвал. Когда говорил о вредительстве, то речь шла о значительном понижении боеспособности московских частей, пользуясь тем, что Москва является резервуаром, питающим Дальний Восток, отправляющей туда новые части. Ему удалось сажать в Москве антисоветский, враждебный Советской власти начальствующий состав, который позволял резко ослаблять состояние боевой подготовки войск".

На вопрос В.К.Блюхера, какие задания были даны для ослабления боеспособности Уральского военного округа, Якир ответил, что по этому вопросу он ничего сказать не может.

На вопрос члена особого присутствия Шапошникова о том, что район Львова и юг вызывает затруднения в сосредоточении войск противника и поэтому непонятно, почему именно Летичевский район был выбран как пункт, через который должны пойти германские войска, — Якир старался доказать, что этот район якобы удобен для наступления противника

На вопрос С.М.Буденного, что известно Якиру о вредительской деятельности в Белорусском военном округе, Якир заявил, что точно он об этом сказать не может. Якир также заявил, что ему неизвестно, является ли Уборевич участником заговора или нет.

Уборевич показал суду, что он занимался вредительством в Белорусском военном округе.

Когда же ему был поставлен вопрос, какое именно вредительство проведено им по Белорусскому военному округу, Уборевич ответил:

"По строительству аэродромов я никакого вредительства не проводил. По дорожному строительству тоже, а по укрепленным районам, кроме перехода на новую организацию — ничего мною не делалось и никаких указаний я никому не давал".

Для характеристики показаний Уборевича в суде представляет интерес следующая выдержка из стенограммы судебного заседания:

"ВОПРОС: ...Вы давали вредительские указания по постройке укрепленного района?

ОТВЕТ подсудимого Уборевича: Никогда я не давал таких заданий.

ВОПРОС: Ваша вредительская работа началась с момента назначения Вас начальником вооружения?

ОТВЕТ подсудимого Уборевича: Наоборот, я открывал^{х)} вредительскую работу старых офицерских кадров.

ВОПРОС: Для того, чтобы замаскировать свою собственную вредительскую работу?

ОТВЕТ подсудимого Уборевича: Нет.

ВОПРОС: Непосредственную шпионскую работу Вы вели с немецким генеральным штабом?

ОТВЕТ подсудимого Уборевича: Не вел никогда.

ВОПРОС: Вашу работу Вы считаете шпионско-вредительской?

ОТВЕТ подсудимого Уборевича: С 1935 года я вредитель-изменник-враг".

Таким образом, ни на предварительном следствии, ни в суде не было внесено ясного представления о военном заговоре в Красной Армии.

Подсудимые по-разному именуют этот заговор: одни называют его военно-троцкистским, другие - объединенным право-троцкистским, третьи - объединенным военно-фашистским и т.д.

По-разному показывали осужденные о времени создания центра заговора, его составе, о методах борьбы. Одни утверждали, что заговор готовил вооруженное восстание, а другие заявляют, что цель его было поражение Красной Армии во время войны.

По делу не установлена конкретная вина каждого осужденного, его практическая деятельность.

Несмотря на то, что, кроме противоречивых показаний осужденных, никаких других доказательств их виновности в деле не

х) очевидно "вскрывал"

было, суд признал всех их виновными по ст.ст.58-I "б" /измена Родине/, 58-8 /террор/ и 58-II /контрреволюционная организация/ УК РСФСР и приговорил Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Эйдемана, Путна и Примакова к высшей мере наказания - расстрелу.

12 июня 1937 года приговор в отношении всех осужденных был приведен в исполнение.

Дополнительные материалы, полученные в ходе
изучения дела.

В ходе изучения дела по обвинению Тухачевского, Якира, Уборевича и других Прокуратурой СССР были получены дополнительные материалы, которые дают основание прийти к выводу о том, что дело это было сфальсифицировано, что никакого контрреволюционного военного заговора в Красной Армии не существовало, а показания, которые давали Тухачевский, Якир и другие на предварительном следствии и в суде, были получены от них преступными методами.

Подтверждением этому служат следующие установленные факты:

Как уже указывалось выше, первые показания о существовании военного заговора в Красной Армии, руководимого Тухачевским Якиром и другими, послужившие началом к созданию дела о заговоре, были получены 10 мая 1937 года от арестованного бывшего начальника ПВО РККА Медведева М.Е. Как появились эти показания рассказал арестованный в 1939 году бывший заместитель начальника УНКВД по Московской области Радзивиловский А.П.

[На допросе 16 апреля 1939 года Радзивиловский показал:

"... Фриновский в одной из бесед поинтересовался проходили ли у меня по материалам /в УНКВД МО/ какие-либо крупные военные работники. Когда я сообщил Фриновскому о ряде военных из Московского военного округа, содержащихся под стражей в УНКВД, он мне сказал о том, что первоочередной задачей, выполнении которой, видимо, и мне придется принять участие - это развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной армии. Из того, что мне тогда говорил Фриновский я ясно понял, что речь идет о подготовке большого раздутого военного заговора в стране, раскрытием которого была бы ясна огромная роль и заслуги Ежова и Фриновского перед лицом ЦК. Как известно, это им удалось и не только в области обмана ЦК по военному заговору, но и по ряду других линий, о которых я покажу дальше.

Поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедленно приступить к допросу арестованного Медведева, бывшего начальника ПВО РККА, и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА.

При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе.

Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большое количество руководящих военных работников, а чем их удастся больше записать, тем ближе будет к осуществлению та задача, о которой со мной уже ранее говорил Фриновский.

Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырёх лет до ареста как уволен из РККА и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей больше не поддерживал. Когда я доложил о показаниях Медведева Ежову и Фриновскому, они предложили "выжать" от него его заговорщические связи и снова повторили о том, чтобы с ним не стесняться.

Для меня было очевидно, что Медведев человек давно оторванный от военной среды и правдивость его заявлений не вызывает сомнений. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, в особенности после избития его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников.

По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышленны и он всё время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания

ложны и не соответствуют действительности.

Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол доложил в ЦК....

...Медведев был арестован по распоряжению Ежова без каких-либо компрометирующих материалов, с расчётом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА".

Проверкой дела Медведева установлено, что протоколы допроса от 8 и 10 мая 1937 года, в которых Медведев дал показания о существовании военного заговора и его центра во главе с Тухачевским, Якиром, Путна и Примаковым и о своём участии в этом заговоре, подписаны Радзивиловским.

Проведенной Прокуратурой СССР дополнительной проверкой установлено, что дело в отношении Медведева было сфальсифицировано: и в настоящее время это дело представлено в Военную коллегию Верховного суда СССР на предмет его прекращения за отсутствием состава преступления.

О том, каким путём были получены показания Путна и Примакова о их причастности к военному заговору и шпионской деятельности сообщил бывший сотрудник органов НКВД Бударев В.И.

На допросе в прокуратуре Бударев показал:

"Дело Примакова я лично не расследовал, но в процессе следствия мне поручалось часами сидеть с ним, пока он писал сам свои показания. Зам.начальника отдела Карелин и нач.отд.Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он ещё не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своём участии в троцкистской организации. В это время ему разрешали в день спать только 2-3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать, и туда же ему приносили пищу. Таким образом его не оставляли одного... В период расследования дел Примакова и Путна было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избития их в лефортовской тюрьме. Эти дела характерны тем, что в связи с ними начались аресты среди основной части руководящего состава РККА. В это время начались аресты таких лиц, как Тухачевский, Уборевич и др."

Бывший помощник начальника 5 отдела Главного управления Госбезопасности НКВД СССР Ушаков З.М., принимавший участие в допросах Тухачевского, Якира, Фельдмана и других, осужденный в 1940 году к расстрелу за фальсификацию дел, применение жестоких мер физического воздействия к арестованным и другие преступления, на допросах показал, что он широко применял к арестованным незаконные методы следствия:

"Мне самому приходилось в лефортовской /и не только там/ бить врагов партии и советской власти..." -

и это Ушаков ставил себе в заслугу.

В своих собственноручных показаниях Ушаков писал о том, что 15 мая 1937 года был арестован Фельдман, следствие по делу которого было поручено ему, Ушакову. Так как на Фельдмана было лишь одно косвенное показание Медведева, он, Ушаков, даже выразил удивление, почему ему не дали более важную фигуру, с конкретной ролью.

На допросах, как показал Ушаков, Фельдман признался ему в причастности к заговору. Тогда он взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришёл к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом других крупных командиров. Он понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским и, вызвав Фельдмана, заперся с ним в кабинете и к вечеру 19 мая Фельдман на его, Ушакова, имя написал известные показания о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других.

Эти показания Ушакова и по датам и фактически совпадают с материалами дела Фельдмана.

Из материалов дела Ушакова видно, что в результате применения преступных методов следствия он получал от арестованных показания на тов. Буденного, Щаденко, Егорова, Петровского, Чубаря и ряд других видных военных, советских и партийных работников.

Бывший сотрудник НКВД СССР Карпейский Я.Л. на допросе в Прокуратуре 4 июля 1956 года показал:

"... Из группы военных, осужденных вместе с Тухачевским, я принимал участие только по делу Эйдемана.

Примерно 20 мая 1937 года я был вызван к Леплевскому, который сказал мне, что Эйдеман изобличается Тухачевским, как участник военного заговора... Никаких документов или материалов, уличающих Эйдемана, Леплевский мне не дал. Я привёл Эйдемана к себе в кабинет и, пригласив пом.нач.отделения Дергачева, приступил к допросу. Допрос велся без предъявления Эйдеману конкретных материалов, но ему было сказано, что он уличается, как участник "военного заговора", и его запирательство бесполезно. Однако Эйдеман не сознавался. Спустя 3-4 часа пришел зам.нач.отдела Агас и взял допрос в свои руки. С его приходом допрос принял более, чем резкий характер. Так, Агас заявлял Эйдеману, что с ним церемониться не будут и что "не мытьем, так катаньем" от него будут получены показания. При этом Агас заявил ему, что если он здесь не даст показаний, то с ним будут разговаривать в другом месте. Эйдеман же продолжал отрицать своё участие в заговоре до конца допроса. Агас прекратил допрос и предложил направить Эйдемана в тюрьму. На другой день я был срочно вызван с квартиры в лефортовскую тюрьму. Придя в следственный кабинет тюрьмы, я там застал Леплевского, Агаса и Дергачева, допрашивавших Эйдемана. При этом перед Эйдеманом лежало заявление уже написанное им на имя Наркома о том, что он признает себя виновным и готов дать показания. Леплевский мне предложил записать показания Эйдемана. Допрос вел Леплевский, а я записывал. Необычный тон разговора Леплевского и Агаса с Эйдеманом, а также возбужденное состояние последнего давали мне оснований полагать, что в отношении Эйдемана до моего прихода были применены угрозы или даже физические меры воздействия. Следует учесть, что во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум...".

Допрошенный в прокуратуре бывший сотрудник НКВД СССР Авсеевич А.А. 5 июля 1956 года показал:

"Примерно в марте месяце я вызвал на допрос Примакова и увидел, что Примаков изнурен, истощен, оборван, у него был болезненный вид...

Примаков и Путна на первых допросах категорически отказывались признать свое участие в контрреволюционной

троцкистской организации. Я вызывал их по 10-20 раз. Они при этих вызовах сообщили мне, что помимо вызовов на допросы ко мне, Примаков и Путна неоднократно вызывались на допросы к Ежову и Леплевскому.

На одном из допросов Примаков заявил, что накануне он вызывался к Ежову и там был серьезно предупрежден о последствиях в случае, если он будет заpirаться. Он, Примаков, обещал Ежову подумать и сейчас он будет давать показания о своей контрреволюционной деятельности...

Путна также вызывался к Ежову и Леплевскому, но долго не признавал себя виновным".

Авсеевич заявил, что он якобы не применял к Путна и Примакову мер физического воздействия и что они якобы "добровольно" давали показания, однако заявил:

"Мне известно, что в мае 1937 года на одном из совещаний пом. начальника отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу методы физического воздействия. Применялись ли физические методы воздействия к другим арестованным по данному делу, я точно сказать не могу, но, исходя из обстановки того времени, считаю, что к ним применялись физические методы воздействия".

Всё это дает основание прийти к выводу о том, что меры физического воздействия применялись не только к Путна, Примакову, Эйдеману и Уборевичу, что установлено проверкой, но и к другим арестованным по данному делу лицам и что показания Тухачевского, Корка и Якира являются также вымышленными, полученными от них преступными методами следствия.

При изучении дела Тухачевского на протоколе его допроса, в котором он признал себя виновным в том, что является руководителем военного заговора и дал развернутые показания о проводившейся якобы им контрреволюционной деятельности, на листах дела 165-166 были обнаружены пятна, напоминающие пятна крови.

Проведенной 28 июня 1956 года судебно-медицинской экспертизой установлено, что эти пятна являются каплями и мазками крови.

В ходе изучения дела по обвинению Тухачевского, Якира и других был обнаружен ряд заявлений арестованных, из которых видно, что показания, которые они подписывали, являются вымышленными, подсказанными им или полученными от них путем обмана, шантажа.

Так, в записке на имя следователя Ушакова арестованный Фельдман 31 мая 1937 года по поводу его заявления, в котором он признавал себя виновным, писал:

"Начало и концовку заявления я писал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго".

В другом заявлении, написанном в этот же день Ушакову, Фельдман писал:

"Я хочу через Вас или т. Леплевского передать Народному Комиссару внутренних дел Союза ССР тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать всё, что знаю о военном заговоре... Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, несправимый враг, а человек, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаялся и помог следствию ударить по заговору".

В деле Примакова обнаружено несколько небольших листков бумаги, на которых Примаков давал собственноручные показания. Из этих показаний усматривается, что следствию удалось получить от Примакова ряд явно вымышленных показаний на видных военных работников.

Так, накануне процесса, 10 июня 1937 года, от Примакова были получены показания о том, что Каширин, который уже был утвержден членом специального присутствия Верховного суда СССР по делу Тухачевского, Примакова и других, также является участником военного заговора, о чём Примакову якобы известно со слов Алафузо.

В этот же день, 10 июня 1937 года, от Примакова пытались получить показания на другого члена особого присутствия - Дыбенко.

15 мая 1937 года от Примакова пытались получить показания на третьего члена особого присутствия - Шапошникова.

Все эти заявления, правленные протоколы допроса, собственноручные показания арестованных от суда были скрыты.

Перед началом судебного процесса все обвиняемые вызывались к следователям, которые знакомили их с показаниями на предварительном следствии и требовали, чтобы арестованные подтвердили эти показания в суде.

В ходе самого процесса подсудимые также находились под контролем следователей.

По вопросу подготовки арестованных к процессу бывший следователь Авсеевич на допросе 5 июля 1956 года показал:

"После того, как следствие было окончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки - двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, ещё раз побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии.

Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал подтвердить в суде свои показания.

С другими подсудимыми беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подсудимых в суд, быть с ними вместе в комнате ожидания. В день суда я находился с Примаковым, согласно указаний руководства отдела. Перед началом судебного заседания все следователи были и как только привезли арестованных, я, как и другие работники, пошёл в комнату, где был Примаков. Все арестованные находились в отдельных комнатах и с каждым находился следователь. Среди других я помню были Ушаков и Эстрин. Я спрашивал Примакова, как он думает вести себя в суде, последний сказал, что подтвердит свои показания. Причем, по указанию руководства, я ещё раз напомнил Примакову, что признание

его в суде обеспечит его участь. Так говорить было дано указание и другим сотрудникам отдела, выделенным для сопровождения арестованных на суд ...

Перед самым судебным заседанием, по указанию Леплевского, я знакомил Примакова с копиями его же показаний".

Осужденные по настоящему делу Тухачевский, Якир, Корк и другие на предварительном следствии и в суде называли большое число руководящих работников Красной Армии, которые якобы являлись участниками "военного заговора" в Красной Армии.

Все эти лица /за исключением Гамарника, покончившего жизнь самоубийством/ были арестованы, а затем осуждены.

Проведенной в настоящее время Прокуратурой СССР проверкой установлено, что дела в отношении этих лиц были сфальсифицированы и в настоящее время прекращены /список реабилитированных прилагается/.

В ходе следствия от осужденных были получены явно провокационные показания в отношении маршалов Советского Союза Мерецкова А.К. и Тимошенко С.К., генералов Апанасенко, Чернышева и других.

После осуждения Тухачевского и других были арестованы и осуждены по обвинению в военном заговоре члены особого присутствия Верховного суда СССР, слушавшего дело "военного заговора", Блюхер В.К., Дыбенко П.Е., Алкснис Я.И., Каширин Н.Д. и Белов И.П., которые в настоящее время реабилитированы.

С П И С О К

руководящих работников Советской Армии и Военно-морского флота, репрессированных в связи с делом "военно-фашистского заговора" и в настоящее время реабилитированных

1. Гамарник Ян Борисович, начальник ГлавПУРа, армейский комиссар I ранга
2. Егоров Александр Ильич, заместитель наркома Обороны СССР, маршал Советского Союза
3. Блюхер Василий Константинович, командующий ОКДВА, маршал Советского Союза
4. Дыбенко Павел Ефимович, командующий войсками Ленинградского военного округа, командарм 2 ранга
5. Смирнов Петр Александрович, нарком Военно-морского флота, армейский комиссар I ранга
6. Федько Иван Федорович, заместитель наркома Обороны, командарм 2 ранга
7. Алкснис Яков Иванович, заместитель наркома Обороны и начальник ВВС, командарм I ранга
8. Левандовский Михаил Карлович, командующий Приморской группой ОКДВА, командарм 2 ранга
9. Каширин Николай Дмитриевич, начальник управления боевой подготовки РККА, командарм 2 ранга
10. Орлов Владимир Митрофанович, начальник морских сил РККА

- II. Гиттис Владимир Михайлович, начальник отдела
внешних сношений РККА, комкор
- I2. Медников Михаил Лазаревич, начальник управления
военно-строительных частей РККА, комдив
- I3. Муклевич Ромуальд Адамович, заместитель наркома
оборонной промышленности
- I4. Уншлихт Иосиф Stanisлавович, секретарь ЦИК СССР
- I5. Баранов Михаил Иванович, начальник военно-меди-
цинского управления РККА
- I6. Рейнер Борис Аронович, заместитель начальника
военно-медицинского управления РККА
- I7. Ткалун Петр Пахомович, комендант Кремля
- I8. Берзин Ян Карлович, начальник разведывательно-
го управления РККА, армейский комиссар
I ранга
- I9. Максимов Иван Федорович, начальник 7 отдела
Генштаба РККА, комдив
20. Урицкий Семен Петрович, начальник разведуправле-
ния РККА, комкор
- 2I. Жильцов Александр Иванович, начальник управления
продснабжения, коринтендант
22. Зиновьев Григорий Алексеевич, член Военного Со-
вета КБФлота, корпусной комиссар
23. Фельдман Петр Максимович, начальник политуправ-
ления Черноморского флота, дивизионный
комиссар

24. Великанов Иван Михайлович, начальник биотехнического института РККА, диввоенврач
25. Павлов Иван Сергеевич, заместитель начальника строительно-квартирного управления РККА, бригадир инженер
26. Мовчин Николай Николаевич, начальник управления снабжения горючим РККА, полковник
27. Бажанов Николай Николаевич, начальник НИИ ВВС РККА, комдив
28. Викторov Михаил Владимирович, командующий ТОФ, флагман флота I ранга
29. Душенов Константин Иванович, командующий Северным флотом
30. Кожанов И.К. - командующий ЧФ, флагман флота 2 ранга
31. Сангурский Михаил Владимирович, заместитель командующего ОКДВА, комкор
32. Белов Иван Панфилович, командующий МВО, командарм I ранга
33. Булин Антон Степанович, заместитель начальника ГлавПУРа
34. Киреев Григорий Петрович, командующий Тихоокеанским флотом, флагман флота I ранга
35. Разгон Израиль Борисович, начальник управления вооружения ВМС, корпусной комиссар

36. Ковтюх Епифан Иванович, командир корпуса, комкор
37. Хаханьян Григорий Давыдович, член Военного Совета
ОКДВА, комкор
38. Понеделин Павел Григорьевич, командующий
12-й армией
39. Красильников Николай Михайлович, начальник управления
по начсоставу РККА
40. Горностаев Иван Михайлович, начальник политуправления
КВО, дивизионный комиссар
41. Сидоров Константин Григорьевич, ответственный
секретарь парткомиссии при ГлавПУРе
РККА, коркомиссар
42. Куйбышев Николай Владимирович, командующий
ЗакВО, комкор
43. Дубовой Иван Наумович, командующий ХВО, команарм
2 ранга
44. Демьяновский Владимир Владимирович, пом.начальника
7 отдела Генштаба РККА, бригадженер
45. Никольский Николай Михайлович, начальник ветеринарного
управления РККА, корвоенветврач
46. Горшков Василий Сергеевич, заместитель начальника
строительно-квартирного управления РККА,
дивинтендант
47. Мамонов Петр Денисович, начальник курса Академии
им. Фрунзе, комбриг

5.

48. Стигга Оскар Ансович, начальник отдела разведывательного управления РККА, комдив
49. Хоменко Николай Николаевич, главный инженер КЭУ РККА, бригаинженер
50. Милейковский Илья Маркович, начальник научно-исследовательского технического института РККА, бригаинженер
51. Славин Иосиф Еремеевич, начальник управления ВУЗ РККА, армейский комиссар 2 ранга
52. Зонберг Жан Фрицевич, инспектор НКО по Осоавиахиму, комкор
53. Перцовский Захар Давыдович, начальник финансового отдела НКО
54. Таиров Владимир Христофорович, член Военного Совета ОКДВА, затем полпред СССР в МНР
55. Окунев Григорий Сергеевич, член Военного Совета Тихоокеанского флота, армейский комиссар 2 ранга
56. Кодацкий-Руднев Иван Никитич, командующий Амурской флотилией, флагман 1 ранга
57. Смирнов-Светловский Петр Иванович, заместитель наркома ВМФ, флагман флота 2 ранга
58. Стороженко Алексей Алексеевич, пом.командующего ТОФ, комкор
59. Сафразбекян Г.С. главный политинструктор МНРА, бывший работник ГлавПУРа

60. Вайнер Л.Я. военный советник при Главкоме МНРА
61. Широков И.Ф. начальник штаба Академии им. Жуковского
62. Стасевич Павел Григорьевич, начальник Морского отдела Генштаба РККА, капитан I ранга
63. Алякринский Н.В. начальник научно-исследовательского института военного кораблестроения
64. Анцино-Чикунский Лев Владимирович, военно-морской атташе в Лондоне, инженер флагман 3 ранга
65. Якимычев Александр Михайлович, начальник разведотдела ВМФ
66. Алякрицкий Борис Евгеньевич, начальник управления кораблестроения ВМС, инженер флагман 2 ранга
67. Добролеж Александр Георгиевич, командир 28 авиабригады, комкор
68. Земсков Сергей Иванович, член Военного Совета Черноморского флота, дивизионный комиссар
69. Посаженников Алексей Демьянович, пом.начальника Управления кораблестроения ВМС, инженер-флагман 3 ранга
70. Байрачный Петр Порфирьевич, член Военного Совета Северного флота, дивизионный комиссар
71. Анкудинов Иван Яковлевич, начальника отдела портов ВМС, дивинтендант

7.

72. Леонов Александр Васильевич, заместитель начальника управления вооружения ВМС, инженер-флагман 2 ранга
73. Стржалковский П.К., начальник связи ВМС
74. Горбачев Борис Сергеевич, заместитель командующего МВО, комкор
75. Фишман Яков Моисеевич, начальник Химупра Генштаба РККА
76. Вольпе Абрам Миронович, начальник адм.моб. управления РККА, комдив
77. Зюзь-Яковенко Яков Иванович, командир 2 стрелкового корпуса, комдив
78. Аппога Эрнест Францевич, начальник управления военных сообщений РККА, комкор
79. Ольшанский Михаил Михайлович, заместитель начальника автобронетанкового управления РККА, комдив
80. Базенков Борис Ильич, начальник управления материально-технического снабжения ВВС РККА, комдив
81. Аронштам Лазарь Наумович, член Военного Совета Приморской группы войск ОКДВА
82. Роговский Николай Михайлович, начальник артиллерии РККА
83. Бокис Густав Густавович, заместитель начальника АБТУ РККА, комдив

84. Ошлей Петр Матвеевич, заместитель командующего
МВО, коринтендант
85. Смолин Иван Иванович, начальник Военно-инженер-
ной академии, комкор
86. Павлов Александр Васильевич, начальник кафедры
Военной академии им.Фрунзе, комдив
87. Казанский Евгений Сергеевич, командир корпуса
88. Сатин Аркадий Иванович, заместитель начальника
управления ВВУЗ РККА
89. Осепьян Гайк Александрович, заместитель началь-
ника политуправления РККА, армейский
комиссар 2 ранга
90. Родионов Федор Ефимович, начальник ЦДКА, кор-
пусной комиссар
91. Лапин Альберт Янович, пом.командующего войсками
ОКДВА по авиации, комкор
92. Тодорский Александр Иванович, начальник управле-
ния Высших военно-учебных заведений
РККА, комкор
93. Лисовский Н.В., заместитель командующего войска-
ми Забайкальского военного округа,
комкор
94. Амелин Михаил Петрович, армейский комиссар
2 ранга, начальник политуправления
КВО
95. Менджерицкий Леонид Абрамович, командир 5 мех-
бригады, полковник

96. Сангурский Н.В., заместитель командующего ОКДВА,
комкор
97. Коханский Владислав Станиславович, командир
авиакорпуса ЛВО, комбриг
98. Розынько Анатолий Францевич, заместитель начальни-
ка артиллерийского управления РККА
99. Ерман Семен Зиновьевич, зам.начальника главного
военно-мобилизационного управления
НКОП СССР
100. Орлов Наум Осипович, начальник политуправления
КВО
101. Косогов Иван Дмитриевич, командир 4 казачьего
кавалерийского корпуса, комкор
102. Железняков Яков Иванович, председатель арт комите-
та при Артиллерийском управлении
РККА, бригадир инженер
103. Скрыпкин Владимир Михайлович, пом.командующего
КВО, комбриг
104. Гусев Авенир Асикритович, председатель Московско-
го областного Совета Осоавиахима,
бригадир интендант
105. Боярский Александр Федорович, зам.председателя
Центрального Совета Осоавиахима СССР,
бригадир интендант
106. Кутяков Иван Семенович, зам.командующего ПриВО
107. Лавров Василий Константинович, начальник штаба
ВВС РККА, комкор.
108. Базилевич Георгий Дмитриевич, секретарь Комитета
Обороны при СНК СССР, комкор.